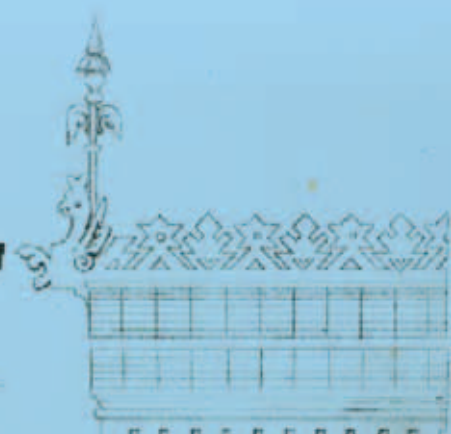
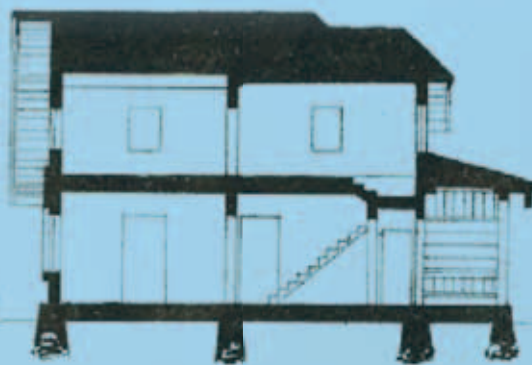

Православный АРХИТЕКТОР

Александра Петровича Перова в Брянске называют православным архитектором. Из 50 лет своей жизни 25 он занимается храмами. Все церковные строительства и реконструкции идут с его участием. В одних случаях — это его авторский проект, в других общий архитектурный надзор, иногда просто помощь советом. Бывает в день Перов «облетает» дюжину объектов...

— Александр Петрович, можно пару слов «с самого начала»?

— Родился пятого апреля, в день битвы на Чудском озере. Поэтому, наверно, и воюю. Работаю в четырех местах. Трудовая у меня лежит в ООО «Реставрация», где я не получаю зарплату. По совместительству тружусь в Брянской епархии. В Строительном техникуме я почасовик и доцент кафедры Строительной конструкции в БГИТА.

Образование высшее, Политехнический институт в Душанбе, архитектурное отделение. Жил и работал в Новгороде, написал там 40 научных работ. Здесь, в Брянске — уже около 20.

— Где вас «поставили на крыло»?

— На Новгородчине. Повезло, что после института я сразу пошел в реставрацию. Я не окупился в современность. И поэтому историческая архитектура, реставрация, особенно храмовая хорошо так меня зацепила. Тем более Великий Новгород — оттуда вообще пошла вся реставрация. Это Митрополит Новгородский в 1500 каком-то году сказал, что старые здания нельзя рушить, их надо поновлять и подчеркивать в них индивидуальность, если современным языком. Вот с этих времен началась реставрация.

Как архитектора очень впечатлила Прага. Там вообще нет реставрации. Там просто содержат здания так, как они построены. Если утрачен элемент, его, такой же, туда вставляют. Наверное, у них даже нет реставрационных мастерских. Это здорово. А мы слишком много меняем. Каждый под свой вкус. Поэтому у нас запутанная история...

— Потому что архитектура — точная иллюстрация истории, какого-то периода?

— Архитектура — это просто игра форм. Да, у каждого времени она своя.

Она рассказывает о времени, о людях, о политической ситуации, и о настроении кузнеца, который гвоздь вбивал.

Если брать самые известные архитектурные произведения Брянска — это эпоха Лебедева. Он был приглашен на Арсенал в середине XIX века. Построил там цеха. Набил руку. Потом он построил гимназию, Спасо-Горобовской храм, Самсона. А могила его потеряна в Володарке, неизвестно, где он похоронен. Потеряна могила. Вот такой мы люд какой-то...

— Брянский? Немножечко злые, забывчивые к своему?

— Нет, ну как... Тут есть причины. Смотрите, вот в прошлый век как раз после этого Лебедева 80 % населения Брянска были военные. Сейчас у нас живет третье колено людей, переехавших из сел в город. Из них многие уезжают из Брянска дальше. Людям нет местных. Вот и отношение к городу. Оно не хозяйское. Оно спонтанное. И то, что строят в Брянске, меня просто повергает в шок, даже некоторые храмы.

— Сколько надо Брянску архитекторов для того, чтобы он перестал быть архитектурно неряшливым городом?

— Я не знаю. Главное, чтобы слышали и понимали тех, кто есть. И чтобы они тоже понимали город, среду. Чтобы умели и не боялись проектировать в исторической среде. У меня лицензия реставрационная, современной лицензии нет. Я не хочу проектировать высотные дома категорически. Мы и интерьером не занимаемся. Я говорю: «Я не буду делать неправильно. Да, это для вас, вы там будете жить. Но неправильно не буду делать». И нам говорят: «До свидания».

— Когда вы говорите «мы» — вы кого имеете в виду?

— Моих сотрудников, помощников, студентов моих, самых лучших. Это Александр Миллер, Максим Середа, Александр Курганьков, Ира Чепикова, Марина Шепель. Марина делает Успенский храм, Ира — церковь в Добрике, Макс сейчас на обмерах в Свенском. А Аким Чернов уже отделился, собственную фирму организовал.

— Александр Петрович, а сколько всего у вас сейчас в работе церквей?

— А я ранее попытался в памяти прокрутить... Не укладывается в голове, я некоторые забуду. Если прямо по свежему, в Рогнедино делаем реставрацию Митрополичьего храма Алексия, хоть это и не памятник архитектуры. Мы сделали шурфы и зондажи, поняли, что можно восстановить «как было», подготовили проект реставрации. Один только храм построили, который мы сами и спроектировали. Всё остальное строят все остальные.

С Новостройки давайте начнем. Храм на Новостройке посадили на землю, которая даже не оформлена — посмотрите строительный паспорт. Но если это храм, я закрываю глаза на многое. Особенно, когда можно его спасти. Тут мы спасли его чем? Опустили на 4,5 метра. По замыслу проектировщиков, был взят образ древнерусского храма под Закомаром. При этом ставилась задача выровнять его по высоте с баптистским храмом. Вот так взять и тянуть за шею, издеваться над древней Русью? Для чего? Еле-еле убедил, шесть заседаний пришлось говорить, что бы усечь хоть половину. Отрезали все-таки, слава Богу.

Курирую я, например, строительство храма в унечском селе Белогорщ — это первый индивидуальный проект наш. Вот уже мы купола воздвигли, кроме центрального. Там будет полностью историческая реконструкция. Заказчик

пошел на это, хотя и думал сначала типовой храм построить.

Построили домовую часовню одну. Деревянных церквей пять-семь. Купелей запроектировано порядка трёх-четырёх. В Николо-Одринский собор курируем, уже до окон дошли. В селе Барышье, рядом с Новосёлками начинается реставрация.

Игуменский корпус в Свенском монастыре. Сейчас там шурфы только закладываем. Колокольня, возможно, там будет старая.

Красным Рогом занимаемся, всей усадьбой. Краснорожским Успенским храмом тоже. Проект выпустили, сейчас курируем только строительство.

По Никольскому храму в Карачеве тоже помогаем по декору. Приезжаем на место и показываем кладочникам какая конфигурация кладки должна быть.

Посёлок Пальцо, в Стародубе три объекта, основной — церковно-приходской храм. Комплекс Рождественского храма.

В Морачово, это Жирятинский куст, сделала эскизный проект моя студентка. В Добрике Брасовского района храм — прихожане попросили, она делает.

Естественно, храм Великомучеников в Брянске, на Самолете. Он сейчас уже заложен, нижний только ярус. Это проект Даниловского монастыря, который в Москве. Но мы его привязали к местности, укоротили и обрезали.

А если взять «советы по телефону» с батюшками — это еще 15-20 объектов.

— Что самое сложное в храмовом строительстве?

— В храмовом строительстве всё сложно. Проектной базы нет. Любой объект реставрации — это научная работа. Возьмем Николо-Одринский монастырь. Сейчас мы воссоздаем там Никольский собор. Его никак не могли запроектировать — более десяти организаций пытались. Мы со студентами поехали, просто по-кустарному обкопали лопатами, натянули причалки, вырыли шурфы до глубины залегания фундамента... Практически выполнили историко-архивные исследования, технологические. Я по шурфам, по остаткам фундамента могу определить — можно на нем строить или нет? Но, в основном, никто таких исследований не заказывает. Дешевле и проще снести и построить.

Вот храм чудотворцев Антония и Феодосия в Свенском монастыре мы спасли. Его хотели тоже снести и заново

отстроить. Представьте, в Свенском монастыре, которому 720 лет, вдруг бы встал новодел. Успенский собор тоже создан на развалинах. Но воссоздан он на троечку. Потому что, опять же, не хотят слушать, делать как надо. Надо было подготовить реставрационную производственную мастерскую. Когда-то она здесь она была, но давно утрачена. Из старых реставраторов остался один специалист, уже пенсионер, 35 лет проработавший в реставрации. И вот получают сплошные нарушения: не те материалы, не та высота, не те пропорции, кладка, перевязка, размер кирпичика и ещё несколько сотен «не тех» составляющих. А потом начинаются вопросы: «почему отстреливает штукатурка?» и прочее.

Вот в Стародубе мы спроектировали церковно-приходской корпус. Рядом стоит Никольский храм, поздний классицизм. Поэтому наш корпус не копирует XIX век, но и не выделяется сильно своей современностью. Мы не выдумываем свое, не выпячиваемся. А делаем так, чтобы строениям было радостно рядом стоять.

Сейчас то и дело раздаётся: «Эти старые здания надоели!» Да не надоели. Вы не умеете за ними ухаживать, разучились. Вот почему, как вы думаете, в 70-е годы все цоколи зданий были коричневого цвета?

— Наверно, чтоб грязь была не заметна?

— Нет, всё гораздо примитивнее. Просто только такая краска и выпускалась. Вот ответ иногда такой банальный. Реставрация чем интересна? Что иной раз такие находишь такие простые ответы после того как все мозги вывихнешь.

А со студентами я люблю начать знакомство с разговора о гвоздях. Вот сотка, двухсотка? Что делают с двухсоткой? Студент говорит: «Приколачивают доски». «Какие?» «Любые». Но нет! Вот ударь двухсоткой — доска разлетится. Она только для бруса. Один гвоздь для того, чтобы забить дранку. Другой гвоздь, чтобы держать край жести. Третий — чтобы просто жечь держать. И понеслась душа по кочкам... Есть гвоздь-дубовик. Специальный, чтоб в дуб его загнать, почти без шляпки. Сейчас нет таких гвоздей... Я это к тому, что объект реставрации надо понимать и чувствовать в деталях.

— Вы приезжаете на объект — вам же надо время, чтобы его прочувствовать?

— Ну вот я приезжаю на новый храм. Сначала из-за разрухи, из-за составляющих я его не вижу, не понимаю. Потом определяю, где и сколько мне надо зондажей, чтобы прочесть те элементы, которые утрачены или которые надо домыслить. Сбиваю штукатурку, смотрю, что там и как, и начинается...

— А не бывает у вас такого, что говорят: «Александр Петрович, не надо нам эти расходы дополнительные, зондажи. Делай вот как-нибудь примерно, чтобы на храм было похоже»?

— Да не то, что бывает — это в основе. Все время. Вот в Карачеве Успенский храм, сейчас стоит один остов центральный. Завтра опять совещание. Совещаний больше, чем работы. Мне говорят: «Вот посчитайте, как положено, смету». Я посчитал. В Ярославле аналогичная смета — 6 миллионов рублей. Я посчитал на брянский манер — 1 700 000 рублей получилось. Дорого, сказали, посчитай лучше. Скостили до 500 000 рублей. Но надо понимать, что качественная работа и стоит хорошо.

И не всегда дело в деньгах. Выиграл я как-то конкурс на памятник афганцам в Новгороде. Перечислил 800 тысяч на строительство этого объекта, а их разворовали. Поэтому вот эта речь о дорогом-недорогом, мне кажется, неуместна. Просто неуместна. Я делаю гораздо дешевле, чем это стоит.

— Слышала, вы способны сделать проект за гонорар в виде хорошей книги?

— Да, было. Один храм в Злынке мы проектировали за прекрасную «архитектурную» книгу 1900 издания. Денег у них не было, храм люди хотели.

Или, например, село Усош Трубчевского района. Приехали оттуда казаки-атаманы и говорят: «Вот хотим колокольню воссоздать». Фотографию показывают. Я вглядываюсь в колокольню, а там рядом... магазин. А это исторически — храм. Просто между храмом и колокольней разрушили в своё время трапезную. И я им прямо на фотографии нарисовал, как всё было. Они воссоздали эту колокольню. И подарили мне образцовые проекты. Вот они лежат, репринтное издание Александрово-Невской

Лавры. Представьте, там проекты иконостасов XIX века. Сейчас это помогло нам. Мы по этой книге запроектировали иконостас в Белогорске.

Иногда просто так дарят книги хорошие люди. Когда я возглавлял комитет по охране памятников архитектуры, в 2003 или в 2004 году, приехал делать описание памятника архитектуры XVII века — деревянную церковь стародубского села Артюшкова. Там настоятелем был отец Корнилий, монах Недбаевский. Он мне подарил книгу по архитектуре Москвы. Там храмы дореволюционные московские. Представляете? Ценнейшая книга просто. Она мне очень помогла в работе. Потому что, в основном, я все воссоздаю по аналогии.

— Какой самый любимый у вас храм?

— Вот я приезжаю на храм, и он уже любимый. Любить приходится всех, как детей. Я думал, что будет храм Антония и Феодосия, ведь это XV век! По статусу он должен быть гордостью нашей, потому что XV века в России единицы. Но мы его отреставрировали на тройку, и там очень много сделано не так, как должно быть...

— То есть, полного удовлетворения у вас нет ни от чего?

— Да, мало от каких объектов есть полное удовлетворение, потому что вмешивается очень много потусторонних сил каких-то. Я не отступаю, у меня силы крепчают от этого. Но трудно. Наверно, надо больше молиться.

— Вам рассказывали родители, как вас крестили?

— Рассказывали, что крестили втихаря, возили в город за 80 километров, как разлив сошёл. А вот родиться пришлось дома, потому что в разлив нельзя было доехать до больницы. Это было село Воскресенка Саратовской области. Единственное село, которое имело церковь в округе 40 километров. На тот момент, там, конечно, был склад. Туда ходили парни озорничать. И при мне они свалили там иконостас. Я хорошо помню, как надышался этой пылью. Что-то я тогда осознал...

А уже совсем я проникся, ответственно, в 17 лет, когда стал крестным племяннику своему. Увидел своими глазами таинство крещения. И крест

как мне тогда надели, с тех пор уже и не снимаю. Однажды присуживал в алтаре. Молитву утреннюю, вечернюю я всегда читаю.

— Говорят, у вас есть «архитектурное объяснение» церковной благодати...

— Это не только у меня, многие люди сходятся во мнении, книги пишут. Форма цеховных куполов и главков притягивает хорошую энергию и отталкивает плохую. Но когда я это говорю, со мной спорят: «а чего тогда там бабушки шипят?» Ну так это всё детали, ерунда. Если ты в храме шипение слышишь, то это у тебя проблемы. Ты пришел —

благодать получить. Какое там шипение? Да пусть они тебе хоть все оттопчут. Ты стой просто и вот, получай. Мне в храме хорошо, когда я там не на работе, а как прихожанин. Просто получаю благодать и чувствую помощь.

— Александр Петрович, вам по большому счёту нравится ваше нынешнее место в жизни и в пространстве?

— Нравится очень. И хочется идти дальше и дальше. И чтобы были мастера рядом хорошие. И надо выше расти.

Беседовала Елена ВОРОБЬЕВА
Фото Михаила ФЕДОРОВА